

БЕЗДНЫ МЕТАФИЗИКИ.

Знаменитый математикъ Пуанкаре говорилъ объ одномъ изъ своихъ сочиненій:

— Ахъ, если бы мои добрые сограждане могли разобраться въ конечныхъ выводахъ моихъ математическихъ откровеній! Они не пожелаю бы жить, узнавъ, что всѣ ихъ обычные представленія о мѣрѣ, вѣсѣ и числѣ, только фикции, только условности, маленькія сказочки, которыми утѣшаютъ дѣтей...

Мнѣ вспоминалась откровенная пропія ученаго математика по отношенію «довѣрчивыхъ», буржуа, когда я слушалъ весьма хитроумную рѣчь г. Степнуна о метафизической сущности искусства, на послѣднемъ литературномъ вторничкѣ.

Г. Степнуна, конечно, не творецъ новой системы метафизики искусства и даже не авторъ какого-либо новаго варианта метафизическихъ формулъ.

Онъ просто усердный читатель и внимательный ученикъ тѣхъ философовъ новѣйшей школы, къ которымъ влечетъ его духовное сродство.

Улыбка скептика Пуанкаре, конечно, только что высказанному соображенію, не совсѣмъ идетъ молодому докладчику.

Но безсознательной пропіи все-таки было достаточно и въ самомъ докладѣ г. Степнуна, и въ возраженіяхъ его оппонентовъ и въ его отвѣтахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ нѣкоторые положенія, которыя выставилъ докладчикъ:

— О процессѣ творчества, какъ борьбѣ матеріала природы съ формой, въ которую этотъ матеріалъ вливается работа человѣка.

— О мистическомъ, сверхмірномъ началѣ всякаго искусства, безконечность котораго, для воспріятія человѣкомъ, неминуемо должна быть ограничена той или другой формой.

— О мистическихъ настроеніяхъ, когда человѣкъ бездумно думаетъ, безъ образа зрѣть...

Всѣ эти и имъ подобныя очень глубокія и вѣрные философскія соображенія въ сущности были мало убѣдительны для присутствующихъ. Такъ же, какъ практическія иллюстраціи отвлеченныхъ положеній г. Степну-

на, а именно спеническія особенности Ермоловой и Комиссаржевской — большинству, вѣроятно, показались совершенно случайными.

На тѣхъ, можно сказать, горныхъ вершинахъ эстетическихъ теорій, куда завлекъ слушателей — и очень талантливо завлекъ — г. Степнуна, настолько разряжена атмосфера, что обычнымъ театральнымъ (страшно пониженнымъ и до печальнаго условнымъ) нашимъ требованіямъ и вкусу тамъ не жить. Воздуха не хватаетъ.

Артистка мірового значенія — Ермолова. И совершенно вѣрно, что ея мощный темпераментъ и несокрушимое физическое здоровье даютъ ей возможность, потрясая зрителей трагизмомъ своего исполненія, одновременно, давать имъ и эстетическое успокоеніе, увѣренность, что героиня «ермоловскихъ силъ» всегда будетъ побѣдительницей.

У Комиссаржевской — не было этой царственной мощи. Не она владела созданнымъ ею образомъ, но «образъ», его страсти, захватывали ее. Зритель, видя, что передъ нимъ происходитъ борьба, часто непосильная, сострадалъ артисткѣ, жалѣлъ ее и въ этихъ «добавочныхъ» переживаніяхъ нарушалась гармонія эстетическаго наслажденія.

Совершенно вѣрно, что въ данномъ случаѣ игра Ермоловой ближе къ «классическимъ» образцамъ. Но если отбросить всѣ условности текущей обстановки и если въ противоположность лектору взглянуть не съ метафизическихъ высотъ, а хотя бы съ медицинскіхъ низинъ, — то можно сдѣлать и такое заключеніе:

— Ермолова артистка высшаго здоровья, а Комиссаржевская была истеричкой. И поэтому первая выше второй.

Отсюда, выводъ, къ которому приходилъ, вольтъ реферата г. Степнуна, очень простъ:

— Каждая тема, чтобы быть жизненной, непременно должна трактоваться въ условіяхъ ея житейской обстановки.

Всякія же искусственныя декораціи «отъ метафизики» или «отъ медицины» сводятъ и живой вопросъ къ упражненію въ краснорѣчіи.

Ничь.